

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ШВЕЦИИ

М. М. Агафшин^а

С. А. Горохов^{б, в}

^а Московский педагогический государственный университет,
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

^б Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

^в Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

Поступила в редакцию 31.12.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6

© Агафшин М. М., Горохов С. А., 2020

В течение большей части своей истории Швеция была страной, в которой доминировала лютеранская церковь, имевшая статус государственной. Превращение Швеции в страну массовой иммиграции, начавшееся во второй половине прошлого века, оказало определяющее влияние на конфессиональную структуру населения страны. В результате роста численности беженцев из стран Балканского полуострова, Ближнего Востока и Африки Швеция стала государством с поликонфессиональным составом населения, одним из лидеров среди стран ЕС по темпам роста численности адептов ислама. Трудности адаптации инокультурных мигрантов в стране приводят к их социальной, культурной и географической изоляции и формированию параллельных мигрантских сообществ. Цель данного исследования состоит в выявлении зависимости изменений в конфессиональной структуре населения Швеции, произошедших в результате роста численности адептов конфессий, не принадлежащих к протестантизму, от географической структуры иммиграционного потока в страну. Новизна исследования заключается в определении тенденций изменения уровня мозаичности религиозного населения Швеции с учетом циклической динамики замещения протестантизма исламом в конфессиональном пространстве Швеции. С практической точки зрения разработанная авторами методика дает возможность установить дальнейшие тенденции развития конфессионального пространства Швеции, которые дополняют результаты, полученные в комплексных социологических и демографических исследованиях конфессиональной структуры шведского населения.

Ключевые слова:

Швеция, миграция, конфессиональная структура населения, ислам, беженцы, параллельные сообщества

Введение

В условиях глобализации экономическая и демографическая поляризация регионов мира приводит к интенсификации миграционных процессов [1]. Если в 1990 году численность международных мигрантов составляла 153 млн человек (2,9 % населения мира), то к середине 2019 года она превысила 272 млн (3,5 % на-

Для цитирования: Агафшин М. М., Горохов С. А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т.12, № 2. С. 84–99. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6.

селения мира) и, по прогнозам, продолжит свой рост в дальнейшем¹. Такие теоретики глобализации, как Ж. Аттали, Э. Тоффлер и др. полагают, что само существование глобального мира, ставшего, по выражению Т. Фридмана, «плоским» [2], связано с формированием номадической цивилизации, или цивилизации новых кочевников [3; 4].

К факторам, непосредственно определяющим характер и интенсивность глобальных миграционных процессов, большинство исследователей обычно относят социально-демографические, экономические и политические [5; 6]. Мы хотим отметить еще один фактор интенсификации миграции в мире, который приобрел особую актуальность в эпоху глобализации, — увеличение степени конфессиональной, культурной и этнической неоднородности стран и регионов современного мира, выразившееся в формировании параллельных сообществ (диаспор, этнических и конфессиональных меньшинств) в результате массовой миграции. На фоне низкого естественного прироста численности «коренного» населения стран Северной Америки и Европы в последние десятилетия доля мигрантов в нем неуклонно повышается. Европейский миграционный кризис 2014—2016 годов, в рамках которого в регион направились миллионы уроженцев стран Азии и Африки, чрезвычайно обострил в ЕС проблемы социальной и культурной адаптации мигрантов — прежде всего мусульман — к жизни в принимающих обществах [7]. Наиболее актуальны эти проблемы в странах, принявших больше всего мигрантов из мусульманских стран, в том числе в Швеции.

Как констатируют отечественные специалисты по международным отношениям Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамова, для членов параллельных мигрантских сообществ, особенно мусульманских, характерны уход от внешней среды (концентрация в анклавах), отказ от интеграции в европейское гражданское общество, создание параллельных органов власти [8]. Эти параллельные сообщества продолжают поддерживать тесные контакты со страной своего происхождения и оставшимися там родственниками, что способствует увеличению миграционного потока с их родины и препятствует культурной ассимиляции диаспоры, на что обратил внимание немецкий исследователь Т. Сарацин [9, с. 259—260]. С другой стороны, как указывает крупнейший отечественный демограф А.Г. Вишневецкий, миграции в эпоху глобализации могут стать мостом между различными цивилизациями, странами и народами [10, с. 319—325]. В этой связи необходимо отметить, что диаспоры часто играют ключевую роль в налаживании экономических связей своей новой родины со страной исхода, а различные мигрантские организации активно участвуют в интеграции своих членов в новую социокультурную среду через содействие в получении жилья, устройство на работу или учебу.

Тем не менее усиление миграционных процессов в современном мире и обусловленное ими формирование параллельных сообществ в развитых странах с низкой рождаемостью могут привести к тому, что «коренное» население этих стран постепенно само станет меньшинством. Данный процесс получил название третьего демографического перехода, точкой отсчета которого, по мнению автора данной концепции — британского демографа Д. Коулмена, должно стать «априорное снижение численности коренного населения, прежде бывшего большинством, до уровня ниже 50% от общей численности» [11, с. 32]. Отечественный демограф М.А. Клупт подчеркивает в этой связи, что «в результате третьего перехода менее развитый мир приходит на Запад» [12, с. 67].

¹ *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. International Migration. URL: www.unmigration.org (дата обращения: 20.11.2019).*

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили национальные статистические источники, содержащие сведения о структуре миграции в Швецию и размещении мигрантов на территории страны². Конфессиональная принадлежность населения Швеции и стран миграционного исхода в эту страну анализируется на основе сводных статистических источников³, в том числе данных социологических опросов [13–15], а также монографических справочников [16].

В качестве ключевого индикатора, характеризующего изменения компонентной структуры конфессионального геопространства, предлагается использовать разработанный нами на примере религиозной ситуации в различных странах мира модифицированный индекс мозаичности (МИМ) [17], лишенный многих недостатков часто применяемого в отечественных исследованиях индекса мозаичности Эккеля [18]:

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m},$$

где π_i — вклад (доля) i -го актора в структуру ситуации по тому или иному признаку; m — количество акторов.

В общем случае МИМ принимает значения в интервале от 0 до 1. Разделяя его на сегменты, получаем следующие значения для субинтервалов в случае мозаичности по тому или иному параметру: 0,000–0,280 — крайне гомогенные; 0,281–0,556 — относительно гомогенные; 0,557–0,820 — относительно гетерогенные; 0,821–1,000 — крайне гетерогенные [19, с. 129].

Выдвинутая нами гипотеза циклической динамики конфессионального геопространства под влиянием религиозной конкуренции [19, с. 173–204] согласуется с идеями Д. Коулмена о третьем демографическом переходе. Одной из возможных причин запуска цикла замещения одной религии другой может стать миграция в страну адептов религии, которая станет конкурентом доминировавшей прежде в конфессиональном пространстве этой страны. Согласно нашим расчетам, средняя продолжительность этого цикла в общем случае составляет в среднем 106 лет, он состоит из четырех фаз: начального, устойчивого замещения, паритета и окончательного замещения, каждая из которых имеет свою продолжительность и характеризуется определенными параметрами состояния структуры конфессионального пространства (табл. 1).

Таблица 1

Продолжительность и условия прохождения фаз, составляющих «усредненный» цикл религиозной конкуренции

Фаза	Продолжительность, лет	Условия прохождения	
		Значения МИМ	Структура конфессионального пространства
Начального замещения	18	МИМ $\in$ (0,000; 0,280]	Доля замещаемой религии $\geq 87\%$

² Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 15.10.2019).

³ Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), COUNTRIES ONLY. URL: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (дата обращения: 18.11.2019).

Окончание таблицы 1

Фаза	Продолжительность, лет	Условия прохождения	
		Значения МИМ	Структура конфессионального пространства
Устойчивого замещения	21	МИМ € [0,281; 0,556]	87 % > доля замещаемой религии ≥ 70 %
Паритета	29	МИМ € [0,557; 1,000] € [1,000; 0,557]	70 % > доля замещаемой религии ≥ 30 %
Окончательного замещения	38	МИМ € [0,556; 0,000)	Доля замещаемой религии < 30 %

Источник: [19, с. 225].

Результаты и их обсуждение

Внешние миграции издавна играли большую роль в демографическом развитии Швеции. Еще в Средневековье в Швецию прибывали выходцы из Северной Германии, в основном купцы и ремесленники. В XVII веке открытие крупных запасов железной руды привело к миграции с территории современной Бельгии валлонов-протестантов, бежавших от религиозных преследований на родине, обучивших шведов железоделательному ремеслу⁴.

С XVI века лютеранство стало государственной религией Швеции, и на деятельность других религиозных организаций накладывались ограничения. Согласно королевскому указу 1617 года постоянное проживание в стране лиц нелютеранского вероисповедания было исключено, а лица, проповедовавшие иные религии, приравнивались к изменникам и наказывались по всей строгости закона — вплоть до смертной казни. Поэтому иммиграция в Швецию лиц непротестантского вероисповедания была затруднительна.

Постепенно законодательство Швеции в области религиозной свободы становится более либеральным. В 1858 году был отменен закон, запрещавший религиозные собрания вне церковных зданий, в 1870 году сняты запреты на политическую деятельность для лиц нелютеранского вероисповедания, а в 1880 году разрешен переход из лютеранства в другую конфессию [20]; наконец, в 2000 году лютеранская Церковь Швеции потеряла государственный статус [21]. Тем не менее достаточно долго либерализация религиозной жизни в стране не приводила к значимому увеличению численности ее непротестантского населения, и в конфессиональном пространстве Швеции доминировал протестантизм в форме лютеранства.

Таким образом, до середины прошлого века внешние миграции не оказывали существенного влияния на этнический и конфессиональный состав населения Швеции; страна оставалась в целом моноэтничной и моноконфессиональной, а мигранты по большей части смогли натурализоваться, в том числе принять доминирующее лютеранское вероисповедание.

В послевоенные годы иммиграция в Швецию происходила по нарастающей — главной причиной этого стала благоприятная экономическая ситуация в стране. Бурно развивавшаяся после войны шведская экономика остро нуждалась в трудовых ресурсах. В 1950 году в Швеции насчитывалось уже 198 тыс. (2,8 % населения страны) мигрантов, половину из которых составляли выходцы из соседних скандинавских стран, более трети были уроженцами из других стран Европы (табл. 2).

⁴ Sweden and migration. URL: <https://sweden.se/migration> (дата обращения: 19.11.2019).

Таблица 2

**Структура иммиграции в Швецию по регионам происхождения иммигрантов
в 1950 – 1980 годах, тыс. чел.**

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Год			
	1950	1960	1970	1980
Страны Скандинавии*	99,1	174,0	320,9	341,2
Финляндия	44,8	101,3	234,5	251,3
Страны ЕС-28**, кроме Скандинавских	76,2	76,0	139,2	151,3
Польша	7,8	6,3	10,8	20,0
Германия	21,6	37,6	41,8	39,0
Великобритания	2,1	2,7	5,4	8,2
Греция	0,0	0,3	11,8	15,1
Венгрия	2,0	8,5	10,6	12,9
Другие страны Европы	9,3	35,1	48,2	61,2
Югославия	0,2	1,5	33,8	38,0
СССР	8,1	31,9	7,2	6,8
Турция	0,1	0,2	3,8	14,4
Страны Азии	0,9	1,5	5,9	30,3
Страны Северной Америки	11,3	11,7	15,6	14,5
Страны Южной Америки	0,4	0,7	2,3	17,2
Чили	0,0	0,0	0,2	8,3
Страны Африки	0,3	0,6	4,1	10,0
<i>Всего</i>	197,8	299,9	537,6	626,9

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Folkmängd efter födelseland 1900–2018*. Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 19.11.2019).

Примечание: * Здесь и далее под Скандинавией понимаются Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Финляндия. ** Здесь и далее границы ЕС берутся по состоянию на 1 января 2020 года.

После либерализации миграционного законодательства в 1950-х годах на шведский рынок труда хлынула волна трудовых мигрантов⁵, большинство из которых составляли выходцы из скандинавских стран, Германии, стран Восточной Европы (Югославии, прибалтийских республик СССР). Послевоенный этап миграции в Швецию продолжался до конца 1970-х годов, когда правительство страны стало постепенно отказываться от поддержки трудовой миграции. Особенностью послевоенного этапа миграции была относительная однородность миграционного потока в страну, представленного в основном адептами западного христианства.

С 1950 по 1970 год в формировании миграционного потока в Швецию росло значение одного региона мира — скандинавского. Именно в 1970 году численность мигрантов из стран Скандинавии достигла своего максимума — почти 60% всех прибывших в страну (из которых почти $\frac{3}{4}$ были из Финляндии), более четверти иммигрантов составляли выходцы из стран, входящих в настоящее время в ЕС, и лишь

⁵ *Sweden and Migration. Post war immigration*. Swedish Institute (SI) URL: <https://sweden.se/migration/#1940> (дата обращения: 17.02.2020).

около 15 % приходилось на остальные регионы мира. Если далее рассчитать значение МИМ по регионам происхождения мигрантов, то за период с 1950 по 1970 год значение МИМ уменьшалось, достигнув своего минимума за всю новейшую историю Швеции — 0,789 — в 1970 году, впервые перейдя от крайней гетерогенности к уровню относительной гетерогенности (табл. 3).

Таблица 3

Динамика МИМ для иммигрантов и доли религиозных общин в населении Швеции в 1950—1980 годах

Показатель	1950	1960	1970	1980
МИМ потока иммигрантов в Швецию	0,887	0,837	0,789	0,825
МИМ религиозного населения Швеции	0,037	0,035	0,065	0,123
Доля протестантов в религиозном населении, %	98,354	98,376	96,991	94,171
Доля католиков в религиозном населении, %	0,397	0,430	0,973	1,509
Доля православных в религиозном населении, %	0,079	0,162	0,519	1,022
Доля мусульман в религиозном населении, %	0,016	0,028	0,176	1,556
Доля религиозного населения во всем населении Швеции, %	90,014	82,609	75,204	73,840

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), COUNTRIES ONLY.* URL: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDem2.asp> (дата обращения: 18.11.2019).

Однако с 1970-х годов иммиграция в Швецию становится более разнообразной благодаря увеличению численности иммигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также Европы, не входящих в ЕС. Изменение географической структуры иммиграции в Швецию повлекло за собой увеличение значения МИМ по регионам происхождения мигрантов, который в 1980 году составил 0,825, вернувшись, таким образом, к значению крайней гетерогенности.

В среднем более 70—75 % мигрантов в послевоенный период приходилось на страны культурно, исторически и конфессионально близкие Швеции, поэтому до 1970 года уменьшение доли лютеран в религиозном населении Швеции было фактически незаметным. Тем не менее значение МИМ религиозного населения Швеции росло весь послевоенный период, что свидетельствует об увеличении доли адептов непротестантских конфессий в стране, происходившем за счет диверсификации миграционного потока [22].

Мигранты из Польши, Венгрии, стран Латинской Америки исповедовали в основном католицизм; из Греции, Румынии — православие; из Турции и Ирана — ислам; уроженцы Югославии в зависимости от национальной принадлежности придерживались ислама, католицизма или православия. Именно миграция, а не религиозная конверсия (к тому же вообще мало характерная для шведов) стала главной причиной изменений в конфессиональной структуре населения Швеции. При анализе конфессиональной структуры населения Швеции мы берем только религиозное население, что обусловлено широким распространением в стране процессов секуляризации, приведших к отходу значительной доли шведов (как и мигрантов из Скандинавских стран и Западной Европы) от религии [23; 24].

Всего с 1950 по 1980 год количество католиков в Швеции выросло почти в 4 раза, православных — в 12,5 раз, мусульман — почти в 100 раз. Благодаря послевоенной миграции в Швеции также впервые возникли религиозные общины буддистов из Китая и Таиланда, бахаистов из Ирана и т.д. Таким образом, в конфессиональном пространстве Швеции с ростом его мозаичности появились религии, способные в дальнейшем конкурировать с лютеранством, то есть запустить в конфессиональном пространстве страны цикл религиозной конкуренции.

С конца 1970-х годов структура иммиграции в Швецию стала меняться, что было обусловлено уменьшением спроса на рабочую силу ввиду низкой экономической конъюнктуры в стране и общего сокращения занятости в промышленности. Возможность получения разрешения на работу в Швеции осталась фактически лишь у граждан Скандинавии, а с 1995 года — еще и у граждан стран ЕС. Поэтому трудовых мигрантов из развитых государств сменяют беженцы и переселенцы из стран развивающихся, принадлежащих к иной по сравнению со шведами культуре и религии [25]. Миграционная политика страны отличалась гуманностью, руководство государства позиционировало Швецию как «гуманитарную сверхдержаву»⁶. В стране уделялось большое внимание защите прав человека, поэтому прием беженцев, спасавшихся от политических преследований, войн, бедности и голода, получал широкую поддержку в шведском обществе.

В современной истории Швеции можно проследить несколько миграционных волн. Так, в 1970-х годах Швеция приняла беженцев из Чили, спасавшихся от диктаторского режима генерала А. Пиночета, и Уганды, бежавших от преследований И. Амина; затем, в 1980-е годы, последовали граждане Ирана и Ирака, бежавшие от военных действий между этими странами [26].

В 1990-е годы пришла очередь массовой иммиграции беженцев в Швецию. Ее первый пик был обусловлен потоком беженцев из бывшей Югославии (прежде всего боснийцев), переживавшей в этот период гражданскую войну. Только в 1992 году — пиковом по количеству беженцев — страна предоставила убежище 84 тыс. мигрантов, в основном из бывшей Югославии. Продолжился также прием беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога, искавших в Швеции убежища от военных конфликтов и экономической нестабильности, потрясавших их государства (табл. 4).

Таблица 4

**Структура иммиграции в Швецию по регионам происхождения иммигрантов
в 1990—2018 годах, тыс. чел.**

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Год			
	1990	2000	2010	2018
Страны Скандинавии	319,1	279,6	263,2	235,6
Финляндия	217,6	195,4	169,5	147,9
Страны ЕС-28, кроме Скандинавских	175,7	193,1	274,2	369,7
Польша	35,6	40,1	70,2	92,8
Германия	37,8	38,1	48,2	51,1
Румыния	8,8	11,8	19,7	31,0
Другие страны Европы	71,2	169,3	216,0	259,2
Югославия	43,3	72,0	70,8	65,1
Босния и Герцеговина	...	51,5	62,1	59,4
Турция	25,2	31,9	42,5	50,0
Страны Азии	124,4	220,7	410,1	745,3
Сирия	5,9	14,2	20,8	186,0

⁶ Новую волну иммигрантов Швеция тоже выдержит // Radio Sweden Russian. URL: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202> (дата обращения: 22.11.2019).

Окончание таблицы 4

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Год			
	1990	2000	2010	2018
	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.	тыс. чел.
Ирак	9,8	49,4	121,8	144,0
Иран	40,1	51,1	62,1	77,4
Афганистан	0,5	4,3	14,4	52,0
Таиланд	5,0	10,4	31,4	42,4
Индия	9,1	11,1	17,9	35,2
Страны Северной Америки	19,1	24,3	31,3	40,1
Страны Южной Америки	44,2	50,9	63,7	72,5
Страны Африки	27,3	55,1	114,9	219,9
Сомали	1,4	13,1	37,9	68,7
Эритрея	...	3,1	10,3	42,3
<i>Всего</i>	790,4	1003,8	1384,9	1955,6

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Folkmängd efter födelseland 1900—2018*. Statistiska centralbyrån (SCB). URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 19.11.2019).

В дальнейшем, в 2000-х годах объем миграции из данных регионов не только не уменьшился, но даже возрос. Росту численности беженцев способствовало, во-первых, шведское законодательство, обеспечивавшее право семей на воссоединение, в результате чего в страну устремились родственники мигрантов. Около половины всех мигрантов, приехавших в страну начиная с 1990-х годов, прибыли в Швецию именно по линии воссоединения семей [27]. Во-вторых, ситуация в странах, поставлявших беженцев в Швецию, не улучшалась — скорее, наоборот, американское вторжение в Ирак в 2003 году увеличило численность мигрантов из этой страны почти в три раза всего за десятилетие. Так, только в один небольшой шведский город Сёдертелье, расположенный недалеко от Стокгольма, в 2007 году приехали 1268 иракцев — больше, чем в этот год приняли у себя США и Канада вместе взятые⁷.

Причиной следующей волны беженцев в Швецию стала «арабская весна» 2011 года и последовавшие за ней события на Ближнем Востоке, в том числе начавшиеся в Сирии и Ираке гражданские войны. Эти события многократно увеличили поток беженцев из стран Ближнего Востока и Африки в Европу, вызвав европейский миграционный кризис. Швеция стала страной, которая приняла самое большое число беженцев в Европе на душу населения. В 2014 году в стране оказалась 81 тыс. беженцев, а в 2015 году, на пике миграционного кризиса, в Швецию прибыло уже более 162 тыс. искателей убежища⁸. В 2014 году каждый пятый иммигрант в Швеции был уроженцем Сирии, в 2015-м — уже фактически каждый четвертый. С 2017 года сирийцы стали самой многочисленной группой мигрантов в стране, оттеснив на второе место финнов, лидировавших по этому показателю с начала прошлого столетия; на третьем месте оказались иракцы, лишь немного уступавшие уроженцам Финляндии по численности⁹.

⁷ *Statistics Sweden, Tables on the population in Sweden 2007*. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2019).

⁸ *Migration Policy Debates N°13 January 2017*. OECD. URL: www.oecd.org/migration (дата обращения: 18.11.2019).

⁹ *Utrikes födda samt födda i Sverige med en eller två utrikes födda föräldrar efter födelseland/ursprungsland, 31 december 2018, totalt*. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2019).

К числу наиболее быстрорастущих в 2010-х годах мигрантских групп Швеции также относятся уроженцы Афганистана, Эритреи, Сомали, Индии, Ирана и др. В настоящее время более половины всех мигрантов, прибывающих в Швецию, — это просители убежища и члены семей мигрантов, проходящих по программе воссоединения семей.

Расширение географии иммиграции в Швецию в 1990—2018 годах (о чем свидетельствует увеличение значение МИМ для структуры миграционного потока), произошедшее прежде всего за счет роста численности иммигрантов из стран Азии и Африки, закономерно привело к изменению конфессионального пространства страны. Большинство мигрантов из Сирии, Ирака, Ирана, Афганистана, Боснии и Герцеговины, Сомали, Косово, около половины выходцев из Эритреи исповедовали ислам. В целом, исходя из конфессиональной структуры населения стран, «продуцирующих» иммиграцию в Швецию, по нашим расчетам, мусульмане составляли несколько более 80 % иммигрантов в страну. Поэтому в конфессиональной структуре населения Швеции более всего выросла доля мусульманского населения. При этом наибольшее увеличение численности адептов ислама в Швеции наблюдалось в 1990-е годы и после 2010 года, что хронологически соответствует двум основным волнам прибытия беженцев в страну — югославско-боснийской и сирийско-иракской (табл. 5).

Таблица 5

Динамика МИМ для иммигрантов и доли религиозных групп в населении Швеции в 1990—2018 годах

Показатель	1990	2000	2010	2018
МИМ потока иммигрантов в Швецию	0,910	0,946	0,964	0,971
МИМ религиозного населения Швеции	0,183	0,228	0,260	0,311
Доля протестантов в религиозном населении, %	91,160	88,566	86,856	83,371
Доля католиков в религиозном населении, %	1,713	1,934	2,194	2,248
Доля православных в религиозном населении, %	1,539	2,083	2,036	1,903
Доля мусульман в религиозном населении, %	2,998	6,265	7,754	13,850
Доля религиозного населения во всем населении Швеции, %	72,477	71,113	68,485	67,050

Источник. Рассчитано и составлено авторами по: *Brown D., James P. Op. cit.*

Всего за 1990—2018 годы доля мусульман в религиозном населении Швеции выросла более чем в 4,6 раза и составляет почти 14 % религиозного населения страны, а их численность, по нашим подсчетам, — 950 тыс. человек. Доля католиков — в значительной степени из-за увеличения потока мигрантов из Польши — возросла в 1,3 раза, а православных — немного уменьшилась. За тот же период в Швеции появились значительные группы представителей других религий, каждая из которых генетически связана с определенной группой иммигрантов. Так, большинство индуистов — выходцы из Индии и Шри-Ланки, буддистов — из Китая и Таиланда, бахаистов — из Ирана, алевитов — из Турции, йезидов и мандеев¹⁰ — из Ирака и др. О превращении Швеции в результате иммиграции в поликонфессиональную

¹⁰ Мандеи — адепты сохранившейся до наших дней древней гностической религии, родина которой — южные районы Ирака. Вследствие миграции Швеция стала страной, в которой проживает крупнейшая в мире по численности группа мандеев (11 тыс.) [28].

страну свидетельствует увеличение значения МИМ религиозного населения, пики которого также хронологически совпадают с максимумами прибытия беженцев в Швецию: в 1990-х и 2010-х годах.

В настоящее время Швеция в прямом смысле слова стала страной иммигрантов: в 2018 году 930 тыс. человек (9,1 % населения страны) были гражданами других стран, более 1,2 млн шведских граждан родились за рубежом. Всего в Швеции проживают 2,5 млн человек (почти 25 % населения), имеющих иностранное происхождение, то есть либо они сами, либо хотя бы один из их родителей родились за границей¹¹. Мигранты в Швеции размещены крайне неравномерно, более половины их сосредоточено всего в 3 из 21 лена (губернии) страны — Стокгольме, Вестра-Гёталанде и Сконе, прежде всего в центрах этих административных единиц — крупнейших в стране городских агломерациях Стокгольма, Гётеборга и Мальмё. В этих же ленах сконцентрировано почти 60 % мигрантов из мусульманских стран в Швеции. Особенно много мусульман в лене Стокгольм — 27 % от их численности в стране (около 260 тыс. человек), что составляет более 22 % верующего населения лена. В Ринкебю — округе на северо-западной окраине Стокгольмской агломерации, известном как «Маленький Могадишо», — адепты ислама составляют около 80 % жителей. Примерно такая же ситуация сложилась в районе Мальмё Русенгорд, в населении которого 86 % составляли лица иностранного происхождения — прежде всего выходцы из Ирака, Боснии и Герцеговины, Ливана, Сомали, Афганистана и других преимущественно мусульманских стран¹².

Преобладание начиная с 1990-х годов в структуре иммиграции инокультурного и иноконфессионального компонентов затрудняет, а в отношении иммигрантов-мусульман фактически делает невозможной их интеграцию в шведское общество¹³, способствует социальной деградации и криминализации мигрантов, приводя к формированию в Швеции параллельных мигрантских сообществ. Параллельные сообщества концентрируются в так называемых незащищенных районах — анклавах, где государственной монополии на соблюдение законности и порядка бросается вызов со стороны институтов традиционного лидерства, основанного на исламских религиозных нормах, чуждых западноевропейским либеральным ценностям. В 2017 году в стране насчитывался 61 незащищенный район, в котором проживало 560 тыс. человек, или более 5 % населения страны¹⁴; по данным шведской полиции, там действуют 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей. При этом 23 таких района с общей численностью населения 200 тыс. человек, в том числе Ринкебю в Стокгольме и Русенгорд в Мальмё, отнесены правительством к категории особо незащищенных, контроль за которыми со стороны шведских властей фактически потерян [29, с. 136].

Таким образом, внешние миграции всего за полвека смогли трансформировать конфессиональное пространство Швеции. Диверсификация миграционного потока в страну, прежде всего за счет роста численности иммигрантов из преимущественно мусульманских стран, привела к увеличению доли адептов ислама в на-

¹¹ *Befolkningsstatistik i sammandrag 1960—2018*. URL: <https://www.scb.se> (дата обращения: 20.11.2019).

¹² *Sweden and migration*. URL: <https://sweden.se/migration> (дата обращения: 19.11.2019).

¹³ *Веретевская А. В.* Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm (дата обращения: 19.11.2019).

¹⁴ *Här är fakta om de 556.000 som lever i utsatta områden* // Dagens Nyheter. URL: <https://www.dn.se/debatt/har-ar-fakta-om-de-556000-som-lever-i-utsatta-omraden/> (дата обращения: 19.11.2019).

селении, запустив цикл замещения протестантизма исламом в конфессиональном пространстве Швеции. Первая фаза цикла религиозной конкуренции — начального религиозного замещения — стартовала в 1994 году, когда мусульманская иммиграция из Югославии, Боснии и Герцеговины, Ирана и Ирака была максимальной. О прохождении конфессиональным пространством Швеции фазы начального замещения цикла религиозной конкуренции свидетельствует то, что к 2010 году значение МИМ религиозного населения оставалось ниже 0,280, а доля адептов ислама в стране выросла почти до 8 %.

Пик следующей волны мусульманской миграции в Швецию пришелся на 2014—2015 годы, когда в страну прибыло рекордное количество беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога, что привело к смене фазы начального замещения следующей фазой цикла религиозной конкуренции. Таким образом, продолжительность первой фазы цикла в Швеции — 20—21 год — примерно соответствует ее средней продолжительности (18 лет). К 2018 году значение МИМ конфессиональной структуры населения выросло до 0,311, а доля мусульман — до 14 %, что соответствует параметрам следующей фазы цикла религиозной конкуренции — устойчивого замещения: с учетом ее средней продолжительности в идеальном цикле, равной 21 году, мы можем предположить, что фаза устойчивого замещения сменится фазой паритета в 2036—2040 годах, то есть к этому времени доля мусульман в религиозном населении Швеции может достичь порога в 30 %. Интересно отметить, что наш прогноз согласуется с данными исследовательского центра Pew Research Center, согласно которым в случае продолжения масштабной иммиграции в Швецию к 2050 году доля мусульман в ее населении превысит 30 % [13]. Впрочем, фаза паритета уже стала реальностью в отдельных кварталах крупнейших шведских городов, в которых мусульмане составляют большинство населения.

Заключение

Современную Швецию можно назвать страной, которая одной из первых в мире за последние полвека прошла путь от моноэтничного государства с доминирующей государственной религией к стране с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Ключевым фактором, преобразовавшим шведское общество, изменившим его культурные традиции и сам цивилизационный императив развития, стала внешняя миграция. Сначала вызванная экономическими причинами — нехваткой трудовых ресурсов для бурно растущей экономики, миграция затем превратилась в гуманитарную «обязанность» Швеции по приему беженцев из наиболее неблагополучных регионов мира. Рост численности мусульманской общины, постепенно становящейся, а в некоторых районах страны уже ставшей «вторым большинством» после адептов лютеранства, порождает серьезные проблемы по ее адаптации в шведское общество. Оказалось, что не только мигранты, но и сами шведы, принадлежащие к различным религиям и имеющие часто противоположные ценностные ориентиры, не готовы к совместному сосуществованию в едином пространстве страны. Именно этим объясняется нарастающая культурная, социальная и географическая изоляция беженцев в Швеции, наиболее ярко выразившаяся в появлении в стране устойчивых параллельных мигрантских сообществ. В настоящее время шведская политическая элита пока не смогла выработать новой миграционной стратегии. С одной стороны, у «старых» системных политических партий сформировался устойчивый консенсус относительно образа Швеции как «мультикультурной гуманитарной сверхдержавы», не предполагающий дискриминационных ограничительных мер по отношению к мигрантам из мусульманских

стран. Однако, с другой стороны, многие политики в Швеции не могут не замечать запроса значительной части шведов на сокращение миграции в их страну. Результатом именно этого запроса стал взлет популярности новой политической партии «Шведские демократы», получившей на последних выборах в риксдаг в 2018 году рекордные 62 мандата (17,6 % голосов избирателей) и требующей защитить национальную идентичность, благосостояние и безопасность шведских граждан от наплыва иммигрантов из мусульманских стран [30]. Конечно, сейчас уже невозможно представить, что Швеция может снова стать моноэтническим государством, а исповедание отличной от протестантизма религии будет приравнено в стране к государственной измене. Однако, по нашему мнению, правительство Швеции под напором избирателей все же будет вынуждено изменить свою «щедрую» политику по отношению к мигрантам на более прагматичную, ввести определенные ограничения на прием беженцев, что приведет к замедлению хода цикла религиозной конкуренции в стране.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00054).

Список литературы

1. Синцеров Л. М. География международных миграций населения в современную эпоху глобализации // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2019. № 2. С. 31—40. doi: 10.31857/S2587-55662019231-40.
2. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., 2006.
3. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
4. Тоффлер Э. Футурошок. СПб., 1997.
5. Римашевская Н. М., Галецкий В. Ф., Овсянников А. А. Население и глобализация. 2-е изд. М., 2004.
6. Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М., 2016.
7. Агафшин М. М., Горохов С. А. Пространственная динамика ислама в странах ЕС // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Естественные науки. 2019. № 1. С. 8—20. doi: 10.18384/2310-7189-2019-1-8-20.
8. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 5—16.
9. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2012.
10. Вишневский А. Г. Время демографических перемен: избранные статьи. М., 2015. С. 319—325.
11. Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью — третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 15—15 сентября 2007 г. : сб. ст. / гл. ред. В. А. Ионцев. М., 2007. С. 12—48.
12. Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 60—71.
13. Hackett C., Connor P., Stonawski M., Potančoková M. Europe's Growing Muslim Population. Washington, D.C., 2017.
14. Grim B., Sameena M. The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010—2030. Washington, D.C., 2011.
15. Hackett C., Connor P., Stonawski M. et al. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010—2050. Washington, D.C., 2015.
16. Kettani H. The World Muslim Population, History & Prospect. Singapore, 2014.

17. *Горохов С.А.* Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2014. № 4. С. 56—61.
18. *Эккель Б.М.* Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33—42.
19. *Горохов С.А.* Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2017.
20. *Чернышева О.В., Комаров Ю.Д.* Церковь в скандинавских странах. М., 1988.
21. *Лункин Р.Н.* Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. № 2. С. 125—137.
22. *Балабейкина О.А., Мартынов В.Л.* Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 113—127. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-6.
23. *Андреева Л.А., Смирнов М.Ю., Щербаков В.П.* Процесс дехристианизации в Европейском союзе // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 120—130. doi: 10.15211/soveurope52018120130.
24. *Gorokhov S.A., Dmitriev R.V.* Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world // Geography and Natural Resources. 2016. Vol. 37, № 2. P. 93—99. doi: 10.1134/S1875372816020013.
25. *Westin C.* Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism. Washington, D.C., 2006. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-restrictive-immigration-policy-and-multiculturalism> (дата обращения: 20.02.2020).
26. *Плевако Н.С., Чернышева О.В.* Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. 2-е изд., доп. М., 2019.
27. *Волков А.М.* Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4. С. 104—119. doi: 10.24411/2073-6487-2018-00063.
28. *Larsson G., Sorgenfrei S., Stockman M.* Religiösa minoriteter från Mellanöstern. Stockholm, 2017.
29. *Гришин И.В.* Иммиграция и общество: проблемы взаимoadaptации в Швеции // Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М., 2018. С. 122—151. doi: 10.20542/978-5-9535-0538-3.
30. *Плевако Н.С.* Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила» // Современная Европа. 2019. № 2. С. 95—105. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2201995105>.

Об авторах

Максим Михайлович Агафшин, ассистент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского, Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Станислав Анатольевич Горохов, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

IMPACT OF EXTERNAL MIGRATION ON CHANGES IN THE SWEDISH RELIGIOUS LANDSCAPE

M. M. Agafoshin^a
S. A. Gorokhov^{b, c}

^a Moscow Pedagogical State University,
1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, Russia, 119991

^b Institute of Geography Russian Academy of Science,
29 Staromonetny Per., Moscow, Russia, 119017

^c Pushkin Leningrad State University,
10 Petersburgskoe sh., Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605

Received 31 December 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6

© Agafoshin M. M., Gorokhov S. A., 2020

For most of its history, Sweden has been a country dominated by the Lutheran Church, having the status of the official state religion. Starting in mid-to-late 20th century, mass immigration to Europe had a considerable impact on the confessional structure of Sweden's population. The growing number of refugees from the Balkan Peninsula, the Middle East, and Africa has turned Sweden into a multi-religious state. Sweden has become one of the leaders among the EU countries as far as the growth rates of adherents of Islam are concerned. Immigrants are exposed to adaptation difficulties causing their social, cultural and geographical isolation and making relatively isolated migrant communities emerge. This study aims at finding correlation between the changes in the confessional structure of Swedish population (as a result of the growing number of non-Christians) and the geographical structure of migrant flows into the country. This novel study addresses the mosaic structure of the Swedish religious landscape taking into account the cyclical dynamics of replacement of Protestantism by Islam. The methods we created make it possible to identify further trends in the Sweden's religious landscape. This study adds to results of the complex sociological and demographic studies of the confessional structure of the Swedish population.

Keywords:

Sweden, migration, confessional structure of population, religious landscape, Islam, refugees, parallel societies

References

1. Sintserov, L.M. 2009, Geography of international migration in the modern age of globalization, *Izvestiya Rossiiskaya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, no. 2, p. 31–40. doi: 10.31857/S2587-55662019231-40 (In Russ.).
2. Friedman, T. 2006, *Ploskii mir. Kratkaya istoriya XXI veka*. [The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century], Moscow, 608 p. (In Russ.).
3. Attali, J. 1993, *Na poroge novogo tysyacheletiya* [Millennium: winners and losers in the coming world order], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 135 p. (In Russ.).
4. Toffler, E. 1997, *Futuroshok* [Future Shock], Saint Petersburg, Lan', 461 p. (In Russ.).
5. Rimashevskaya, N.M. 2004, *Naselenie i globalizatsiya* [Population and globalization], vol. 2, Moscow, Nauka, 322 p. (In Russ.).
6. Collier, P. 2016, *Iskhod. Kak migratsiya izmenyaet nash mir* [Exodus: How Migration is Changing Our World], Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 384 p. (In Russ.).

7. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. 2019, Spatial dynamics of islam in EU countries, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki*. [Bulletin of the Moscow region state university. Natural sciences series.], no. 1, p. 8—20. doi: 10.18384/2310-7189-2019-1-8-20 (In Russ.).
8. Fituni, L.L., Abramova, I.O. 2017, The Phenomenon of “Eastern Society” in Contemporary Europe: Paradigmes, Challenges, Forecasts, *Sovremennaya Evropa*, no. 4(76), p. 5—16 (In Russ.).
9. Sarrazin, T. 2012, *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany Abolishes Itself], Moscow, Rid Grupp, 400 p. (In Russ.).
10. Vishnevskii, A.G. 2015, *Vremya demograficheskikh peremen: izbrannye stat'i* [The Time for Demographic Change: Featured Articles], Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 517 p. (In Russ.).
11. Coleman, D. 2007, Immigration and ethnic shifts in low fertility countries — a third demographic transition in action? In: Iontsev, V.A., *Migratsiya i razvitie*, Materials of the International Scientific Conference, 13—15 September 2007, Moscow, p. 12—48 (In Russ.).
12. Klupt, M.A. 2010, Demographic notification of XXI century: theory and reality, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8. p. 60—71 (In Russ.).
13. Hackett, C., Connor, P., Stonawski, M., Potančoková, M. 2017, *Europe's Growing Muslim Population*, Washington, D.C., Pew Research Center, 59 p.
14. Grim, B., Sameena, M. 2011, *The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010—2030*. Washington, D.C., Pew Research Center, 209 p.
15. Hackett, C., Connor, P., Stonawski, M., Skirbekk, V., Potančoková, M., Abel, G. 2015, *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010—2050*, Washington, D.C., Pew Research Center, 245 p.
16. Kettani, H. 2014, *The World Muslim Population, History & Prospect*, Singapore, Research Publishing Services, 584 p.
17. Gorokhov, S.A. 2014, Religious fractionalization as a factor of regional economic development in the modern world, *Vestnik Moskovskogo Unviersiteta, Seriya Geografiya*, no. 4, p. 56—61 (In Russ.).
18. Ekkel, B.M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography], no. 2, p. 33—42 (in Russ.).
19. Gorokhov, S.A. 2017, *Dinamika konfessional'nogo geoprostranstva mira pod vlianiem religioznoi konkurentсии* [The Dynamics of the World's Confessional Geospace Affected by Religious Competition], PhD Thes., Moscow, 394 p. (in Russ.).
20. Chernysheva, O.V., Komarov, Yu.D. 1988, *Tserkov' v skandinavskikh stranakh* [Church in the Scandinavian countries], Moscow, Nauka, 174 p. (in Russ.).
21. Lunkin, R.N., 2011, The Church and society in Sweden: modern Swedish liberalism and conservatism, *Sovremennaya Evropa*, no. 2(46), p. 125—137 (In Russ.).
22. Balabeykina, O.A., Martynov, V.L. 2017, The Denominational Space of Modern Sweden: Christianity, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 3, p. 87—98. doi: 10.5922/2079-8555-2017-3-6.
23. Andreeva, L.A., Smirnov, M.Yu., Shcherbakov, V.P. 2018, The process of De-Christianization in the European Union, *Sovremennaya Evropa*, no. 5(84), p. 120—130. doi: 10.15211/soveurope52018120130 (in Russ.).
24. Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. 2016, Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world, *Geography and Natural Resources*, vol. 37, no. 2. p. 93—99. doi: 10.1134/S1875372816020013.
25. Westin, C. 2006, Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism, *Washington, D.C.: Migration Policy Institute (MPI)*, available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-restrictive-immigration-policy-and-multiculturalism> (accessed 20 February 2020).
26. Plevako, N.S., Chernysheva, O.V. 2019, *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptatsii i integratsii immigrantov v Shvetsii posle Vtoroi mirovoi voiny* [Is it possible to become a Swede? immigrant Adaptation and integration policy in Sweden after World War II], 2th ed., Moscow, KRASAND, 326 p. (in Russ.).
27. Volkov, A.M. 2018, Migrants in the Nordic countries: Swedish approach, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian

Academy of Sciences], no. 4, p. 104–119. doi: 10.24411/2073-6487-2018-00063 (in Russ.).

28. Larsson, G., Sorgenfrei, S., Stockman, M. 2017, *Religiösa minoriteter från Mellanöstern* [Religious minorities from the Middle East], Stockholm, Myndigheten för stöd till trossamfund, 184 p. (in Swed.).

29. Grishin, I.V. 2018, Immigration and society: problems of mutual adaptation in Sweden. In: Tsapenko, I.P., Grishin, I.V. (eds) *Integration of migrants with different cultural background: prospects of interculturalism*, Moscow, IMEMO RAN, p. 122–151. doi: 10.20542/978-5-9535-0538-3 (in Russ.).

30. Plevako, N.S. 2019, The Parliamentary Crisis in Sweden in 2018 and the “Third Force”, *Sovremennaya Evropa*, no. 2(86), p. 95–105. doi: 10.15211/soveurope2201995105 (in Russ.).

The Authors

Maxim M. Agafoshin, Assistant Professor, Department of Economic and Social Geography, Moscow Pedagogical State University, Russia.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Prof. Stanislav A. Gorokhov, Leading Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Pushkin Leningrad State University, Russia

E-mail: stgorohov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>
